

**ОБМАНУТОЕ ОЖИДАНИЕ КАК
СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА
(к постановке вопроса)**

Обманутое ожидание - это явление, которое не получило однозначной трактовки в современной лингвистике. О нем писали многие авторы, но работ обобщающего характера пока нет. Большинство исследователей, вслед за И.В.Арнольд, считают обманутое ожидание одним из типов выдвижения (актуализации) [1;21;4;7]. Как известно, авторами этих терминов являются представители Пражской лингвистической школы, в частности, Я. Мукаржовский. Они рассматривали актуализацию как основной процесс, которому подвергается слово обиходной речи для того, чтобы стать элементом поэтической речи, “самовитым” словом. Позднее Гарвином был предложен термин “выдвижение” (foregrounding). Изменился не только термин, но и его содержание. Теперь выдвижение стали связывать не только с отдельными словами, но и с приемами организации текста, которые способствуют максимальной концентрации читательского внимания на тех или иных его участках, участках повышенной информативности [2, с. 68]. И.В.Арнольд под выдвижением понимает “способы формальной организации текста, фокусирующие внимание читателя на определенных элементах сообщения и устанавливающие семантически релевантные отношения между элементами одного или чаще разных уровней” и называет типами выдвижения стилистические явления, которые, на наш взгляд, имеют совершенно разную природу и объем (ср., напр., понятия: *повтор, сцепление, конвергенция, обманутое ожидание,*

сильная позиция) [1, с.61]. Исследователи, обращавшиеся к проблеме выдвигания, не обнаруживают сходства взглядов по данному вопросу и дают разные классификации типов выдвигания. Исходя из этого рассматривать обманутое ожидание как принцип выдвигания, по-видимому, нецелесообразно.

Какова же природа обманутого ожидания? Лингвисты Пражской школы, большое внимание уделявшие теории поэтического языка, много писали в связи с этим и о явлении обманутого ожидания. Стихотворный текст, по их мнению, отличаясь своей упорядоченностью, “как бы замазывает семантику и стилистику произведения”, а четкая метрическая структура, исключая момент неожиданности, теряет и свойство “поэтичности”. Вследствие этого “поэтическое сообщение, стремясь к максимуму организации, одновременно сопротивляется его последствиям, стремясь к отрицательной энтропии, ведет войну на два фронта: в направлении кодификации и в направлении ее нарушения” [26, с.269]. Ш.Бодлер считал, что, с одной стороны, “регулярность и симметричность - исконные потребности человеческого ума”, а с другой - “легкие неправильности”, выделяющиеся на фоне этой регулярности, также необходимы для создания художественного эффекта, или, говоря иначе, также являются “приправой, неизбежным условием существования красоты” (цит. по: [33, с.85]). Именно эту “приправу” Р.О. Якобсон называет “обманутым ожиданием” (или “несбывшимся предсказанием”) и считает ее общим принципом всякого речевого изменения, производимого со стилистической целью и представляющего собой отклонение от нормы [10, с.37]. М. Риффатерр уточняет, что эффект стилистических приемов обусловлен отклонением не от

языковой нормы, а от нормы данного сообщения [1, с.48]. Таким образом, представляется возможным говорить, что любой стилистический прием в той или иной мере основан на принципе обманутого ожидания. Больше того - обманутое ожидание в том или ином виде встречается в любой области искусства и в любом его направлении [1, с.70]. Вообще, сам Р.О. Якобсон теоретиком “обманутых ожиданий” называет Эдгара Аллена По, который “правильно оценил - и в плане метрики, и в плане психологии - ощущение вознаграждения за неожиданное, возникающее у читателя на базе “ожиданности”; неожиданное и ожидаемое немислимы друг без друга, “как зло не существует без добра” [31, с. 211].

“Проблема стилистического эффекта, проблема эмоциональной реакции индивида на воспринимаемый текст не является собственно лингвистической проблемой. Она представляет собой внесение элемента психологии речи в лингвистическое исследование” [25, с.26]. Чтобы понять суть принципа обманутого ожидания, необходимо обратиться к некоторым положениям психологии речевосприятия, а именно к современным данным о вероятностном прогнозировании, под которым понимается “способность человека использовать имеющуюся в его прошлом опыте информацию для прогноза вероятности наступления тех или иных событий в имеющейся или предстоящей ситуации” [1, с. 59]. Речь идет о своеобразной интуиции читателя и его праве выбора из числа возможных альтернативных сообщений того, которое наиболее подходит для данного контекста. Контраст между более вероятным (типичным) и менее вероятным (неожиданным) выражается в терминах предсказуемости и непредсказуемости. Таким образом,

эффект обманутого ожидания возникает на основе взаимодействия двух противоположных явлений психолингвистического характера - предсказуемости и непредсказуемости [21, с.65]. Ожидание - главное условие предсказуемости ("после какого-то события ожидают следующего" [15, с.121]). Реципиент настраивается на получение определенного рода информации, воспринимает, например, смысл строчки, которую он читает, но одновременно "предсказывает содержание последующего отрезка текста исходя из предыдущего", "ожидает реализации "обещанной" схемы" [26, с.269]. Ожидание читателя либо реализуется, либо обманывается.

С точки зрения кибернетики, речь есть разновидность вероятностного процесса [10, с.37]. В теории информации психологический феномен "неожиданности" получил математическую интерпретацию. "Количество информации пропорционально ее неожиданности с точки зрения воспринимающего. Чем меньше ее ожидаешь, тем больше ее объем. Наибольшую информацию несут нарушения ожидаемого порядка. Выразительным местам текста в читательском восприятии соответствует категория удивления. Читатель удивляется, что данная кодифицированная система несет в себе противоречия, что она оказывается многозначной" [26, с.269]. Нарушение предсказуемости составляет основу экспрессивности. Психологи считают, что стремление к сохранению положительных эмоций диктует активный поиск неопределенности, так как "полнота информации убивает наслаждение" [14, с.86].

Обманутое ожидание связано с "нарушением всякого рода стереотипов - социальных, стереотипов мышления, поведения, языковых и др." [30, с.199].

В неопубликованной словарной статье (посвященной обманутому ожиданию) Н.Кругловой дается оппозиция "смысловое ожидание" - "сюжетное ожидание" и выделяются три разновидности смыслового ожидания: онтологическое (характеризующее устройство мира), коммуникативное (характеризующее принципы общения), языковое (характеризующее устройство языка). Все названные виды ожидания объединяются одним общим признаком - стереотипизированным отношением человека к ожидаемому объекту. Иначе говоря, в их основе лежит либо наличие знаний о сочетаемостных свойствах языковых единиц, либо единое для всех говорящих представление о "нормальном развитии ситуации", о "нормальном положении дел", о правилах успешного общения. В противном случае (то есть если нарушены те или иные принятые нормы) возникает ситуация обманутого ожидания.

Если говорить о языковых средствах реализации эффекта обманутого ожидания, то по отдельности и независимо друг от друга они рассматривались многими исследователями. Так, Т.Г. Хазагеров и Л.С. Ширина выделяют фигуры кольца, антиметаболу, плюку, антифразис, коррекцию, различные виды каламбура, завершение инструментовки [28, с.119]. В работе Т.Л. Ветвинской указывается, что принцип "обманутого ожидания" лежит в основе зевгмы, оксюморона, разрядки [4, с. 73-74]. Ряд ученых к фигурам, создающим вышеназванный эффект, относят "художественные парадоксы, параллелизмы, различные деформации идиом и другие виды алогизмов" [30, с.199] (Интересно, что параллелизмы называются в ряду алогизмов.). Некоторые лингвисты отмечают, что на лексическом уровне данный эффект создается

употреблением архаизмов, неологизмов, поэтизмов, заимствований и т.п., а в поэтическом стилистическом контексте обманутое ожидание может быть также представлено явлением строфического переноса (перенос на следующую строку или в следующую строфу слов, грамматически и логически связанных с концом предыдущей, что ослабляет возможность паузы в конце строки) [21, с. 65].

Из вышесказанного видно, что нет четкого определения лингвистического статуса обманутого ожидания (эффект? принцип? прием? ситуация? и т.д.) и языковые средства его реализации не подвергались комплексному стилистическому исследованию.

Большое распространение исследуемое нами явление получило в СМИ, где оно используется с целью привлечения внимания. Так, например, в языке газеты обманутое ожидание - своего рода прием, необходимый журналисту при "организации" интригующего диалога с читателем. Примером приема обманутого ожидания в публицистике может служить контраст между заглавием и текстом, "если по названию читатель составляет мнение о содержании текста, а дальнейшее изложение опровергает это мнение - в публикации идет речь совсем о другом" [11, с.366]. Эффекту обманутого ожидания предшествует эффект усиленного ожидания в тех случаях, когда заголовок теми или иными способами привлекает читательское внимание и побуждает обратиться к тексту [11, с.369].

Пить или не пить? Вот в чем вопрос (Краснояр. рабочий. 1998. 7 апр. Заголовок).

Эффект обманутого ожидания порожден приемом экспрессивного включения (эллипсиса). Предполагается, что объектом действия, названного глаго-

лом, является опущенное существительное со значением "*алкогольный напиток*": *водка, вино* и т.д. (срабатывает стереотип речевого восприятия). На самом же деле в статье поднимается проблема экологического состояния воды. Трансформация известной поэтической строчки также служит выразительным средством.

Использование репортерами двуплановых заголовков ведет к тому, что читательское восприятие сопровождается эмоциями интереса и любопытства.

Как я ее отделала (АиФ на Енисее. 1999. № 10. Заголовок).

Жириновский снял в Кызыле голую женщину. Креста на нем нет... (АиФ на Енисее. 1999. № 8. Заголовок).

На создание эффекта обманутого ожидания здесь "работают" лексические средства. Данные заголовки реципиент соотносит с привычным для разговорной сферы языка употреблением слов и устойчивых сочетаний (*отделать* в знач. "побить"; *снять женщину* - "заручиться согласием женщины для вступления с ней в интимные отношения"). В первом примере использование местоимения *ее* вместо слова *квартира* неминуемо вызывает эффект обманутого ожидания. Метонимическое оформление второго заголовка (ср., буквально: "*картину с изображением голой женщины*") также настраивает читателя на преждевременный неверный вывод о теме предстоящего повествования.

В основе приема обманутого ожидания может лежать антиципация [29, с.41]. При этом употребление местоимения в препозиции "нарушает обычную последовательность номинаций, выполняя функцию "интригующего элемента". С его помощью вводится определенная информация о предмете и достигается эффект усиленного ожида-

ния неназванного, которое снимается постпозитивным коррелятом" [17, с.32].

*Я не выдержал. Сделал из подручного материала **орудие убийства**. Выждал момент, когда **она** успокоится и присядет. Тихонько подошел и лишил **ее** жизни. Пошел на это сознательно и показательно - не терплю **мух** в своей квартире (Хакасия. 26 июля 1997).*

Эффект обманутого ожидания возник здесь благодаря использованию нехарактерных для описания такой ситуации лексических средств и неожиданному появлению в конце текста лексемы *муха*, опровергающей гипотезу адресата о чистосердечном признании преступника в страшном убийстве.

Антиципация часто помогает создавать обманутое ожидание в больших по объему текстах, когда на протяжении всего рассказа ожидание читателя все более усиливается, и это заставляет его дойти до конца, где и возникает нужный автору эффект. Примером может служить рассказ А. Моисеева "Незнакомка", который начинается приемом антиципации, "захватывающим" читателя, а романтическая атмосфера повествования удерживает его внимание вплоть до развязки.

Я увидел ее в кино. Шелестящая полутьма зрительного зала вдруг смолкла, словно насторожилась, а потом мне показалось, что желтоватые огни в тяжелых, пыльных люстрах засеребрились, засверкали и вдруг вспыхнули радостно и торжественно. "Средь шумного бала, случайно, в тревоге мирской суеты тебя я увидел..." - пронеслось у меня в голове. Серые глаза, тонкие красивые руки - она напоминала незнакомку в картине Крамского. У меня потемнело в глазах. Девушки, боже мой, современные девушки - почему вас упрекают в прозаичности? Ведь вы все так же красивы и загадочны... Что же

изменилось, что? И мне вдруг захотелось говорить с ней, бродить по спящему изумрудному городу с разноцветными пятнами окон, собирать падающие звезды... Как она улыбается? Наверно, у нее улыбка Джоконды... Я выучу для нее все лучшие стихи, буду читать ей в лицах трагедии Шекспира...

Она заметила мой взгляд и улыбнулась. Наши глаза встретились. Стало вдруг тихо-тихо и как-то хорошо. И вдруг она сказала негромко:

- Ну, чего вытупился?

Финал рассказа "обманывает" коммуникативное и языковое ожидание читателя (речевое поведение девушки представляет собой отклонение от стилистической и ситуативной нормы).

Эффект обманутого ожидания может создаваться при помощи парцелляции, когда лексическое значение парцелл контрастно основному высказыванию или менее всего ожидаемо.

Щенок быстро вырос. Освоился... И загрыз хозяина. (НЛО. 1996. № 202-203. С.7. Заголовок).

Черномырдин все-таки болеет. За "Спартак"! (Комс. правда. 1998. 22 янв. Заголовок).

Используемая при парцелляции пунктуация также "работает" на создание эффекта обманутого ожидания. Причем по-разному: точка сигнализирует о формировании законченной мысли - читатель настраивается на восприятие определенного контекста, соответствующего основному содержанию предыдущего высказывания; многоточие усиливает ожидание адресата. С аналогичной функцией многоточие выступает в прерванно-продолженных конструкциях.

Сын просил поест, и я его... ПО-ВЕСИЛ (Комс. правда. 1998. 30 янв. Заголовок).

Можно предположить, что любой преднамеренный сбой в логике мышления, на котором построено множество приемов, обязательно связан с феноменом обманутого ожидания. В лингвистике к алогичным относят приемы, основанные на нарушениях семантической и синтаксической сочетаемости слов в словосочетании и предложении (напр., оксюморон, речевой каламбур, зевгм и т.д.). Наиболее показательной разновидностью алогичных сцеплений являются парадоксы.

Аристотель первым из ученых попытался определить сущность парадокса. В своей “Риторике” он писал: “... парадоксы изящны, поэтому люди внутренне верят им, так как в них есть нечто подобное тем шуткам, что основаны на сходстве слов, которые обычно имеют один смысл, а в данном случае другой; и они напоминают те шутки, которые основаны на обмане ожиданий человека” (цит. по: [6, с.11]). Исследователем Г.Я. Семен парадокс понимается как алогическая связь двух частей предложения или нескольких предложений, а также компонентов фразеологических единств, в которых объединяются противоречивые понятия, опровергаются общепринятые мнения и штампы [23]. Следует добавить, что парадоксальное высказывание противоречит здравому смыслу только на первый взгляд; после проверки и объяснения оказывается, что такое утверждение содержит вполне здравую мысль. Далее Г.Я. Семен говорит, что парадокс является частным случаем эффекта обманутого ожидания, и делит парадоксальные высказывания на языковые (пословицы, поговорки, некоторые глагольные фразеологические единства) и речевые (индивидуально-авторские образования). Первые считаются потерявшими новизну, вторые - создаются “на случай”. Не

всякое высказывание, содержащее противоречие, можно назвать парадоксом, а лишь такое, неотъемлемой частью которого является грамматическая правильность. “Противоречие между грамматическим стандартом и отклонением от него затемняет суть парадоксального противоречия, поскольку внимание воспринимающего сообщение рассеивается между формой и содержанием высказывания. Семантическое противоречие теряется за грамматическим” [6, с.16].

Мы в любой момент готовы простить тех, кого обидели, и тех, кому должны.

Мы всегда считаем себя умнее других, поэтому постоянно оказываемся в дураках. (М.Задорнов. Мы. АиФ. 1998. № 44).

Парадокс является определенной словесной композицией и как фигура речи используется в различных функциональных стилях, неся в себе большой заряд стилистической информации, является одним из эффективных средств воздействия на читателя [22, с. 4].

В связи с исследованием явления обманутого ожидания хотелось бы упомянуть об одном из его жанровых воплощений. Речь идет о продуктивном жанре городского фольклора XX века - анекдоте. В.В. Руднев в словарной статье, посвященной анекдоту, пишет, что “сердцевина анекдота, его пуант (неожиданная развязка) осуществляет разрядку напряженности” [20, с. 27]. Далее автор приводит смысловой механизм анекдотического пуанта, как его описал советский лингвист и семиотик В.В. Налимов: “ У слова много значений, одни из них прямые, другие - переносные, косвенные. Чем более значение удаляется от прямого, тем менее оно вероятно, более неожиданно. Тот, кто

хорошо рассказывает анекдоты, тем самым хорошо владеет “хвостовой частью” множества значений слова. Тот, кто хорошо понимает анекдоты, должен как минимум знать язык, на котором рассказывается анекдот, в совершенстве” [20, с.28]. В анекдоте всегда есть недосказанность, требующая встречную мыслительную активность со стороны слушателя, так как только после некоторого преобразования представленной в анекдоте истории “обнажается нелепость, противоречивость, алогичность ситуации, что, собственно, и вызывает смех” [9, с. 86]. “Анекдот, - пишет В.Я. Пропп, - вызывает у нас смех своим неожиданным остроумным концом. Но этот же анекдот, услышанный во второй, или в третий, или в четвертый раз, смеха не вызывает, так как неожиданности уже нет” (цит. по: [9, с. 92]). Таким образом, анекдот, услышанный впервые, производит более сильный эффект обманутого ожидания.

Итак, в данной статье предпринята попытка обзора имеющихся в лингвистической науке работ, так или иначе затрагивающих тему обманутого ожидания. Проведенный анализ литературы позволяет сделать вывод о сложности и объемности данного явления. В дальнейшем предстоит уточнить лингвистический статус обманутого ожидания, механизмы его функционирования в различных стилях современного русского литературного языка и основных речевых жанрах.

1. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования). Л., 1981.

2. Банникова И.А. Актуализация - выдвигание - стилистический контекст

// Вопросы стилистики : Межвуз. науч. сб. Изд-во Саратов. ун-та. Вып. 15.1980, с. 65-75.

3. Буйницкая Т.А. Языково-стилистические средства юмора и сатиры в публицистике Э.Э. Киша : Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Львов, 1967.

4. Ветвинская Т.Л. Принцип “обманутого ожидания” как основа стилистического приема (на материале англ. яз.). // Исследования по романской и германской филологии. Киев, 1975, с.71-75.

5. Вьяльцева С.И. Речевое использование английских пословиц: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1977.

6. Ганеев Б.Т. Семантика и прагматика парадоксальных высказываний: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1988.

7. Гнатюк А.Д. Средства создания экспрессии и ее интенсификация в газетно-журнальных жанрах (на материале совр. франц. прессы): Дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1984.

8. Девкин В.Д. Парадоксы в немецком языке // Иностр. языки в школе. 1988. № 2, с.15-21.

9. Дементьев В.В., Седов К.Ф. Социопрагматический аспект теории речевых жанров: Учеб. пособие. Саратов, 1998.

10. Киселева Р.А. Вопросы методики стилистических исследований в работах М. Риффатерра // Вопросы теории англ. и рус. языков / Уч. зап. Ленинград. пед. ин-та им. А.И. Герцена. Т.471. Вологда, 1970, с.33-42.

11. Лазарева Э.А. Газета как текст: Дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 1993.

12. Левый Иржи. Теория информации и литературный процесс // Структурализм: “за” и “против”: Сб. статей. М., 1975, с.277-309.

13. Мамаева А.Г. Лингвистическая природа и стилистические функции аллюзии (на материале англ. яз.): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1977.
14. Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: Дис. ... д-ра филол. наук. Свердловск, 1991.
15. Моль А. Теория информации и эстетическое восприятие. М., 1966.
16. Мукаржовский Ян. Преднамеренное и непреднамеренное в искусстве // Структурализм: “за” и “против”: Сб. статей. М., 1975 с.164-192.
17. Никитина А.Х. Синтаксические конструкции с антиципацией как экспрессивное средство современного русского литературного языка: Дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 1990.
18. Овсянников В.В. Языковые средства выражения комического в англоязычной прозе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1981.
19. Риффатер М. Критерии стилистического анализа // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 9. Лингвостилистика. М., 1980, с.69-95.
20. Руднев В.П. Словарь культуры XX века. М., 1997.
21. Седых Э.В. Контраст в поэзии как один из типов выдвижения (на примере циклов стихотворений “Песни Неведения” и “Песни Познания” У. Блейка): Дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 1997.
22. Семен Г.Я. Лингвистическая природа и функционирование стилистического приема парадокса (на материале англ. яз.): Дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1985.
23. Семен Г.Я. Парадокс как стилистический прием // Филол. науки. 1987. № 5 (161), с. 80-83.
24. Сенина Т.Н. Жанровые и индивидуальны́е черты языково-стилистических приемов комического в австрийской народной комедии И. Нестроя: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1968.
25. Скребнев Ю.М. Очерки теории стилистики. Горький, 1975.
26. Славинский Я. К теории поэтического языка // Структурализм: “за” и “против”: Сб. статей. М., 1975, с.256-277.
27. Соловьян В.А. Языково-стилистические средства сатиры в немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1960.
28. Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика: Курс лекций и Словарь риторических фигур. Учеб. пособие. Ростов нД., 1994.
29. Худоногова Г.А. О взаимодействии стилистических приемов и стилистических фигур // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Науч.-метод. бюллетень / Краснояр. гос. ун-т; Под. ред. А.П. Сковородникова. Вып. № 3 (7). Красноярск, 1998, с.40-43.
30. Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности / Ин-т языкознания; Отв. ред. В.Н. Телия. М., 1991.
31. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: “за” и “против”: Сб. статей. М., 1975, с. 193-231.
32. Якобсон Р.О. Избранные произведения. М., 1985.
33. Якобсон Р.О. Вопросы поэтики. Постскрипtum к одноименной книге // Якобсон Р.О. Работы по поэтике: Переводы. М., 1987, с.84-85.